

№ 4 (364) | апрель 2021

МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

Осенние памятью
о Тютчеве

18

Поэт в храме Мельпомены

Василий
Львович
Пушкин
и театр

40

Петушьи бои

О забаве москвичей
XIX столетия

68

Время, вернись!

Московский комментарий
к роману Валентина Катаева
«Алмазный мой венец»

81

№ 4 (364) | апрель 2021

МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

Основан
Н. М. Карзинным
в 1791 году.
Возобновлен
в 1991 году

Ежемесячное литературно-художественное,
историко-краеведческое издание

Учредитель: АО «Редакция газеты
«Вечерняя Москва»». 2021

Выпуск осуществлен при финансовой поддержке
Департамента средств массовой информации
и рекламы города Москвы

Художник-верстальщик С. А. Алопин
Редактор-корректор Л. В. Бзарова

Адрес редакции и издателя:
127015, Москва, Бумажный проезд, д. 14, стр. 2
Телефон: (499) 557-04-27, доб. 414, 416
E-mail: mosmag@mosjour.ru
Официальный сайт: www.mosjour.ru
Рекламная служба: (499) 557-04-03
E-mail: reklama@vm.ru

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство № ФС77-62785 от 18.08.2015 г.

Подписано к печати 15.03.2021.
Печать офсетная.
Объем 12 п. л. Формат 64 × 90/8.
Тираж 5000 экз.
Цена договорная.
Заказ № 01335-21.
Отпечатано:
ОАО «Подольская фабрика офсетной печати»
142100, Московская обл., г. Подольск,
Революционный просп., д. 80/42

Материалы основных рубрик рецензируются.

4 | ТРУДЫ И ДНИ

Юрий Васильевич Козлов «Ревнитель народного просвещения»

О роде Валуевых и его видном представителе —
историке и общественном деятеле
Дмитрии Александровиче Валуеве (1820–1845)

4

18 | ДАЛЕКОЕ И БЛИЗКОЕ

Светлана Николаевна Рыбакова

Осенние памятью о Тютчеве

О самобытном московском музее
Федора Ивановича Тютчева (1803–1873)
и образе «Спас Вседержитель» с могилы поэта

18

Главный редактор

Анна Филипповна Грушина,
кандидат исторических наук, заслуженный работник
культуры РФ, почетный работник печати города Москвы,
член Союза писателей России

Редколлегия

Митрополит Липецкий и Задонский Арсений,
глава Липецкой митрополии

А. А. Белай, член Союза писателей России,
почетный строитель РФ

В. А. Воропаев, доктор филологических наук,
профессор Московского государственного университета
им. М. В. Ломоносова, член Союза писателей России

40 | НРАВЫ И ХАРАКТЕРЫ

Елена Валерьевна Девятова
Василий Львович Пушкин
 в театральных креслах
 Поэт в храме Мельпомены

58 | СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

Михаил Львович Гавлин
 «Все, что он делает, действительно
 делается хорошо»
 Художник, коллекционер, меценат
 Владимир Владимирович фон Мекк (1877–1932)

68 | РАССКАЗЫ ИЗ ПРОШЛОГО

Василий Николаевич Соболев
О петушинных боях в Москве
 Как предавались этой древней забаве
 москвичи XIX столетия

81 | ИСТОРИЯ, ИСТОРИИ...

Леонид Михайлович Видгоф, Мария Александровна Котова, Олег Андершанович Лекманов
Время, вернись!
 Московский комментарий к роману Валентина Катаева «Алмазный мой венец»

Н. А. Григорьева, доктор исторических наук,
 профессор Российского университета дружбы народов

В. В. Зверев, доктор исторических наук, профессор, ведущий
 научный сотрудник Института российской истории РАН

В. Ф. Козлов, кандидат исторических наук,
 руководитель Центра краеведения, москвоведения
 и крымоведения РНИИ культурного и природного
 наследия им. Д. С. Лихачева

А. И. Комиссаренко, доктор исторических наук,
 профессор Российского государственного
 гуманитарного университета

Е. В. Кряжева-Карцева, кандидат исторических наук,
 профессор Российского университета дружбы народов

В. В. Максименко, член Союза журналистов Москвы

М. В. Нащокина, доктор искусствоведения,
 академик РААСН, заслуженный архитектор РФ

О. В. Никитин, доктор филологических наук,
 профессор ГОУ ВО «Московский государственный
 областной университет»

С. В. Орлов, кандидат экономических наук, доцент,
 заместитель председателя Московской городской думы

«Ревнитель народного просвещения»

О роде Валуевых и его видном представителе — историке и общественном деятеле Дмитриии Александровиче Валуеве (1820–1845)

Юрий Васильевич Козлов

Родоначальником Валуевых был выехавший XIV веке в Россию из Литвы и принявший православие Окатья-Вал (или Вол), потомки которого верно служили русским великим князьям и царям. Один из Валуевых, Федор Семенович, в 1676 году удостоился дворянства и герба в виде щита, разделенного на два поля: «Правое поле зеленое; в нем три золотые стрелы, остриями соединенные и вверх обращенные. Левое поле красное; в нем выходит справа золотой вол и передними ногами упирается о золотую решетку. На гербе дворянские шлем и корона; намет справа зеленый, слева красный, подложен золотом. Щит держат два льва с поднятыми хвостами»¹.

Герб рода Валуевых

В семье надворного советника, помещика села Вотоліно Великолуцкого уезда Псковской губернии Дмитрия Михайловича Валуева и законной жены его Александры Николаевны было трое сыновей. Старший, Александр, родился 30 августа 1789 года, одиннадцати лет поступил в Морской кадетский корпус. Через год за ним последовал Па-

Дмитрий Александрович Валуев

вел. В сентябре 1802 года гардемарин Александр Валуев ходил на фрегате «Счастливыи» для ознакомления с портами Финского залива и Балтийского моря, с августа 1805-го по октябрь 1806-го, уже мичманом, на корабле «Зачатие святой Анны» в составе эскадры доставлял в Померанию 20-тысячный русский экспедиционный корпус². Во время Русско-шведской войны в июне — декабре 1808-го и в мае — октябре 1809-го командир плавучей батареи А.Д. Валуев курсировал от Кронштадта до Свеаборга и Або; его 7-пушечное парусно-гребное судно прикрывало Кронштадт от возможного вторжения вражеского флота и конвоировало транспорты снабжения войск. При формировании Морского гвардейского экипажа (1810) Александр Дмитриевич и Павел Дмитриевич Валуевы поступили под командование капитан-лейтенанта Г.К. Горемыкина, спустя год их произвели в лейтенанты.

Когда 11 июня 1812 года армия Наполеона перешла Неман, а наши войска начали отход от западных границ, Морской гвардейский экипаж обеспечивал наведение мостов при отступлении. Отряд лейтенанта А.Д. Валуева направили для уничтожения оставшихся в Дрисском лагере припасов, чтобы те не достались неприятелю.

лю, а также для содействия 2-му и 3-му кавалерийским корпусам в переправе через Двину. По плавучему мосту переправили оба корпуса и затем мост сожгли. Моряки стали «арьергардом арьергарда» 1-й армии генерала М. Б. Баркляя-де-Толли, преследуемой по пятам французской кавалерией.

Александр Дмитриевич с отрядом по правому берегу Двины ночью достиг Полоцка и застал там груженные провиантом телеги и немалое число отставших ослабевших солдат. На другом берегу светились бивуачные огни противника, французские кавалеристы поили коней. Не медля, молодой офицер посадил на телеги солдат и отправил их вслед за армией; из найденного провианта уничтожил все, что нельзя было увезти, и с рассветом двинулся дальше. Уже в Москве лейтенант А. Д. Валуев получил орден Святой Анны III степени³.

В октябре после Тарутинского сражения отступление русских войск сменилось наступлением; Александр Дмитриевич наводил понтонные мосты через Днепр, затем на Березине.

Младший из братьев Валуевых, Николай, горя желанием тоже драться с французами, 17 июля 1812 года поступил юнкером в лейб-гвардии Егерский полк. Принимал активное участие в сражениях при Смоленске, Бородине, Тарутине, Малом Ярославце и Красном; в декабре того же года был произведен в прапорщики.

В заграничном походе 1813 года в конце января моряки, несмотря на ледоход, переправили войска через Вислу. В мае произошла битва у Бауцена, куда были стянуты союзные войска, в их числе и Гвардейский экипаж. Два дня кипело ожесточенное сражение, за которым наблюдали императоры Александр I и Наполеон I, каждый со своей стороны. На второй день батальоны моряков, построженные в колонны для атаки, сдерживали противника на правом фланге. Местность не позволяла французам использовать кавалерию, пехота же их не решалась атаковать стойкие батальоны;

артиллерия вела по ним губительный огонь. Около 5 часов пополудни ядром был убит капитан-лейтенант Г. К. Горемыкин, и командование принял А. Д. Валуев. Моряки до захода солнца прикрывали российские и прусские войска, начавшие отступление. За понесенные ратные труды Александра Дмитриевича представили к ордену Святого Владимира IV степени.

Под Кульмом Морской экипаж поначалу оставался в резерве, но вскоре занял передовые позиции рядом с семеновцами. Писари, музыканты и другие нестроевые брали ружья убитых товарищей и смело шли в атаку. В этих схватках при матросах, кроме командира, оставались лишь лейтенанты А. Д. Валуев и М. Н. Чихачев. Прусский король учредил особый крест для участников Кульмского боя, весь экипаж получил эти кресты. Александр Дмитриевич удостоился еще и ордена Святой Анны II степени⁴.

Помимо участия в боевых действиях экипаж, как и раньше, занимался понтонными и другими сопутствующими работами, а после занятия Парижа отправился на родину.

Среди героев войны с Наполеоном был генерал-майор Петр Андреевич Кикин. В январе 1816 года его назначили

Кульмский крест

Петр Андреевич Кикин

статс-секретарем по принятию прошений на высочайшее имя. Историк и дипломат Д. Н. Свербеев, служивший тогда под началом своего родственника Кикина, не без злопыхательства отмечал в мемуарах: «Болтливым гостем бывал там (в доме Кикиных. — Ю. К.) часто один морской офицер молодых лет, Александр Дмитриевич Валуев; он привез на своем военном корабле в 1815 году Кикина из Англии и пользовался как услужливый и знаменитый путешественник <...> всей свободой несколько нахальной речи. Его сосватали Кикины на родственнице нашей, Языковой, <...> необыкновенно красивой молодой 20-летней девице, которая отличалась, как и все Языковы, необыкновенной дикостью»⁵.

Невеста, Александра Михайловна, была дочерью богатого симбирского помещика Михаила Петровича Языкова. В родовом имении Языково, что в 65 верстах от Симбирска, он возвел каменную Богородскую церковь и большой двухэтажный дом, в парке устроил пруды с островками и беседками. В семье помимо дочерей Александры, Прасковьи и Екатерины росли три сына: Петр, Александр и Николай.

Дмитрий
Николаевич Свербеев

В отличие от невесты, А. Д. Валуев был небогат, ему принадлежала деревня Малая Копышёвка в приходе Спасской церкви села Спасское-Куроедово Симбирского уезда. 19 ноября 1817 года владельца Копышёвки уволили «за болезнью от службы с чином капитан-лейтенанта с мундиром»⁶. 2 сентября 1818-го, незадолго до отъезда из Петербурга, Александр Дмитриевич писал тестю: «Приятным долгом я поставлю поздравить вас <...> с днем вашего Ангела, от искреннего сердца желаю, чтобы вы оной провели как можно приятней и веселей в кругу ваших приятелей и родных, в число коих по Благости Господней надеюсь иметь счастье скоро вступить; и молю его, чтоб он содейл меня достойным вашей любви, и чтоб вы некогда могли бы мною утешаться и не разгневались бы в том, что осчастливили меня, удостоив принять в ваше почтеннейшее семейство; а я с своей стороны употреблю все старание, чтобы доказать, что стою этого счастья»⁷.

Через неделю Валуев отправил в Языково новое письмо — на сей раз адресованное Александре Михайловне:

«Я хотел выехать с субботы на воскресенье, а на место того выеду

Петр Михайлович Языков

Александр Михайлович Языков

Николай Михайлович Языков

только сегодня после полуночи, и хотел было выехать ранее, но Марья Ардалионовна (жена П.А. Кикина. — Ю.К.) уговорила меня, чтобы я никак не ездил, потому что понедельник черный день, и я принужден был дать слово. <...> 22-го надеюсь пуститься в путь, чтоб лететь к тебе, моему милому другу, и воображаю мое нетерпение, как дорога мне будет казаться длинна, шумна, и чем буду ближе к тебе, тем нетерпение будет увеличиваться, но зато блаженный день свидания все вознаградит. День, в который я буду читать в глазах моей прелестной Саши ее любовь ко мне, радость меня видеть, я удивляюсь, как я сам по сие время головы не потеряю от восхищения быть любимым таким ангелом, как ты. <...>

Теперь точно от меня писем не жди, в первых числах будущего месяца надеюсь вас обнять и договорить то изустно, чего не умел объяснить на бумаге. <...> Прощай до радостного свидания»⁸.

К тому времени братья Александры Михайловны обучались в Петербургском горном кадетском корпусе и на письма замужней сестры отвечали «коллективными» посланиями. Так, 4 мая 1819 года письмо начал старший брат Петр. На следующем листе уже Александр рассуждал об «истинной любви», которая «должна ослаблять прочие привязанности и собирать их в один предмет новый». Одобрив увлечение сестры книгами из обширной домашней библиотеки, он заметил: «Приятно было мне прочитать описание того, как вы проводите ваше время, а более то, что книги <...> составляют для вас приятное занятие, что были бы люди, ежели бы не было книг!»⁹ Меньший брат, Николай, ограничился краткой припиской.

14 сентября 1820 года у супругов Валуевых родился мальчик. Крестным счастливые родители пригласили Александра Языкова, не замедлившего с ответом:

«Любезные братец и сестрица!

Благодарю вас за письмо от 27-го предыдущего времени и за честь

**Александр Михайлович
Загряжский**

**Граф Дмитрий
Николаевич Блудов**

и удовольствие, которые вы мне сделали, выбрав меня крестным отцом любезного моего племянника. <...> В предыдущем письме я желал, чтобы он походил на вас <...>»¹⁰.

Младенца нарекли Дмитрием в память о дедушке. Александра Михайловна прожила недолго и скончалась, когда сынишке не было и двух лет. Как ни боготворил ее Александр Дмитриевич, жизнь брала свое. 22 апреля 1825 года он женился на Екатерине Александровне Карповой из рода князей Смоленских. Во втором браке родилось шестеро детей, но выжили только трое. Их отец служил в Симбирской комиссариатской комиссии, занимавшейся приемкой сукон для армии от фабрикантов, был произведен в коллежские асессоры.

А.Д. Валуев по мере сил и средств вместе с Языковыми принимал участие в просветительских начинаниях. В июне 1833 года 38 симбирских дворян просили губернатора А.М. Загряжского, чтобы он исходатайствовал у императора Николая I соизволение на сооружение в Симбирске памятника уроженцу губернии историографу Н.М. Карамзину. Дворяне также намеревались открыть с этой целью подписку по всей стране. Высочайшее соизволение было получено.

В России узнали о начавшемся сборе средств из публикации в «Северной пчеле» от 21 июля 1833 года. Газета сообщила, что на обеде, данном видными литераторами в честь поэта И.И. Дмитриева, земляка и друга Н.М. Карамзина, присутствовавшие подписались на 4525 рублей. Министр внутренних дел Д.Н. Блудов разослал на сей счет циркулярное предписание всем российским губернаторам. Получил таковое и московский военный генерал-губернатор князь Д.В. Голицын.

Кроме того, Блудов написал московскому губернскому предводителю дворянства графу А.И. Гудовичу: «Зная Вашу <...> просвещенную любовь к наукам и славе отечества и полагая, что дворянство древней русской

Степан Петрович
Шевырев

столицы, в коей Карамзин получил первое свое образование, где развивался великий гений его и где созерцание памятников минувшего, может быть, родило в нем первую мысль его лучшего бессмертного творения, с удовольствием примет участие в изъявлении уважения современников и потомства к памяти мужа, бессмертного своими заслугами в отечественной словесности и истории»¹¹.

Министр также лично обратился к московскому городскому голове И. М. Ярцову, поэтому в подписке участвовали крупнейшие купцы Первопрестольной. Однако близкий друг Н. М. Карамзина А. И. Тургенев, бывший в курсе всех перипетий по сооружению памятника, посчитал, что «Москва, где “История” начата и полунаписана, не отличалась рвением к историографу»¹².

Осенью 1832 года А. Д. Валуев привез 11-летнего Дмитрия в Москву и поместил в пансион профессора М. Г. Павлова. Тихий и робкий мальчик взял с собой «сундучок, наполненный книгами, частью уже прочитанными им прежде». В пансионе он сдружился с сыном отставного гвардии штабс-капитана А. Н. Панова, помещика села Анастасово Курмышского уезда Симбирской губернии.

Михаил Григорьевич
Павлов

Василий Панов был годом старше; вместе ребята знакомились с новинками французской литературы, совершенствовались в немецком, английском, итальянском языках.

Спустя три года по желанию родных Дмитрий поселился в доме у близкого им человека — историка литературы, поэта, критика С. П. Шевырева, под руководством которого готовился к поступлению в университет. В одном из писем по поводу Степана Петровича он заметил: «Я и прежде уважал его как поэта и как человека, но теперь я стал лучше узнавать его, с некоторого времени мы как-то стали короче, я следую его советам в отношении к учению»¹³.

По уставу 1835 года в Московском университете ввели 4-летний курс обучения, и число кафедр увеличилось, что вызвало одобрительный отзыв у будущего студента. В ноябре он пишет одному из братьев Киреевских, друзей его дядей: «Университет поправляется, и особенно словесное отделение: новые два профессора греческого и латинского — Печерин и Крюков — отличные, а философию будет читать Надеждин»¹⁴.

В том году на историко-филологическое отделение философского факультета Московского университета поступил Василий Панов, а через год в числе студентов оказался и Дмитрий Валуев. Первым своим учителем юноша считал профессора русской истории Михаила Петровича Погодина, находя в его лекциях самостоятельность воззрений и «глубокое сочувствие к русской жизни».

Вскоре Валуев сблизился со студентом словесного отделения Ю. Ф. Самариним, отец которого, прославившийся в 1812 году генерал, имел поместья в Сызранском уезде Симбирской губернии. Получивший прекрасное домашнее образование новый приятель Дмитрия университетскими лекциями тяготился, среди профессоров выделяя лишь того же Погодина, и позже вспоминал: «Мы были наведены им на совершенно новое

воззрение на русскую историю и русскую жизнь вообще. Формулы западные к нам не применяются, в русской жизни есть какие-то особенные, чуждые другим народам начала»¹⁵.

В 1838 году Самарин окончил курс первым кандидатом, и его оставили при университете для подготовки магистерской диссертации. Он посещал салоны Свербеевых, Павловых, Аксаковых, Елагиных, сделавшись свидетелем первых споров западников и славянофилов, но активного участия в полемике не принимал.

Алексей Степанович
Хомяков

Будучи студентом, Дмитрий Валуев перебрался в дом Алексея Степановича Хомякова — с недавних пор своего родственника: подружившись с «роскошным и лихим» Николаем Михайловичем Языковым, тот летом 1836 года женился на младшей из сестер поэта Екатерине Михайловне.

Половину второго года обучения в университете Валуев «вследствие частных обстоятельств» провел в Симбирске и вынужден был восстанавливаться на пропущенный курс. В Москве нанял комнату в доме А.П. Елагиной — хозяйки знаменитого литературно-философского салона,

племянницы и друга В.А. Жуковского. Здесь спорили, проповедовали, острословили люди различных убеждений. Авдотья Петровна умела быть со всеми равно сочувствующей, оставаясь верной своим славянофильским симпатиям. Впоследствии историк и археограф, основатель журнала «Русский архив» П.И. Бартенев свидетельствовал: «Д.А. Валуев, К.Д. Кавелин, А.Н. Попов, А.П. Ефремов, Вас.А. Панов, М.Н. Стахович, бр. И. и К. Аксаковы, бр. Бакунины, В.Ф. Чижов, Ю.Ф. Самарин, кн. В.А. Черкасский любили пользоваться ее (Елагиной. — Ю.К.) беседой»¹⁶.

Валуев близко сошелся с сыновьями Елагиной от первого брака — Иваном и Петром Киреевскими, которые были старше него и наставляли юношу «на все полезное и благое». «Он сделался как бы членом этого семейства и в нем провел последние три года университетского курса, — писал В.А. Панов. — Он занимался здесь, как и прежде, читал бездну, изучал Гомера, Вергилия, Канта, русские летописи. <...> В тесном кругу, в котором он жил, <...> находил постоянное соревнование и побуждение к неослабному труду»¹⁷.

Петр Васильевич
Киреевский

Иван Васильевич
Киреевский

Летом 1841 года Дмитрий Валув окончил университет со степенью кандидата, а в ноябре лишился отца, унаследовав большую часть имения в Малой Копышёвке. Несмотря на молодость, он смог занять видное место в кругу славянофилов — братьев Киреевских, А.С. Хомякова, Ю.Ф. Самарина, братьев Аксаковых. Человек сметливый и энергичный, Дмитрий Александрович первым приступил к систематической популяризации воззрений славянофильской школы и, полагая, что первые шаги на пути освобождения России от влияния Запада должны заключаться в изучении истории своего народа, всецело посвятил себя собиранию, изучению, изданию неизвестных ранее письменных памятников, объединив усилия со своими дядьями Языковыми и Хомяковым. Рылся в правительственных и частных архивах, искал древние акты у духовных лиц, купцов, подьячих. В 1842 году посетил Симбирск, Нижний Новгород и другие приволжские города, где выявил немало интересного. «Лучшие материалы <...> я тебе уже с прошлой почтой выслал, — сообщает он 20 июля А.С. Хомякову. — <...> Побывай у моих, если будешь в Симбирске, у них славно. <...> Не забывай Алатырь и Курмыш»¹⁸. Именно в этих самых старых городах Симбирской губернии удалось сделать наиболее интересные открытия.

Дмитрий Александрович вместе с Языковыми также записывал народные сказания, былины и песни, опубликованные позднее в «Собрании...» П.В. Киреевского. В предисловии Петр Васильевич отметит: «Богатые материалы, положившие основу моему собранию, получил я из Симбирской и Оренбургской губерний от Н.М. Языкова, П.М. Языкова, А.М. Языкова, Н.А. Языковой, Е.П. Языковой, П.М. Бестужевой, Ек.М. Хомяковой и Д.А. Валуева»¹⁹.

Помимо этого Валув везде, где только можно, отыскивал материалы для создаваемого им журнала «Библиотека для воспитания», начавшего

выходить в 1843 году. Дмитрий Александрович заведовал в «Библиотеке...» отделом детского чтения, профессор П.Г. Редкин, читавший в университете лекции по энциклопедии права, — отделом теоретических статей о детском воспитании. К участию в альманахе Валув привлек наряду с И.В. Киреевским, В.А. Пановым и А.С. Хомяковым многих ученых и литераторов. Сам он сочинил историко-биографический очерк «Иоанна д'Арк», перевел для детей «Рождественскую песнь в прозе» Чарльза Диккенса, частично переделав и назвав ее «Светлое Христово Воскресение».

Дмитрий Александрович Валув

Мало кто умел действовать столь же рационально, не отвлекаясь на внешнюю суету. «Кроме собственных усиленных занятий, — пишет Д.Н. Свербеев, — юный ревнитель народного просвещения заставлял работать и всех ему близких, начиная от своего великого учителя Хомякова, которому он строго определил послеобеденное время, от 7 до 9 часов вечера, писать “Семирамиду”, т.е. исторические мечтания. Мне <...> срочного времени к занятию не определялось, зато под его усидчивым надзором работали охотно две старшие мои девочки, Варенька и Катенька, разбирая и переписывая для него столбцы. Работал для него и товарищ

его Панов, и чуть ли не сами Иван и Петр Киреевские. Ежедневно он обходил заподряженных им мастеров, наблюдая за работами, почему и прозван был мною часовщиком,веряющим по домам всякого рода часы»²⁰.

С осени 1842 года Д.А. Валуев занемог, следующим летом отправился для поправки здоровья за границу. Друзья и родственники думали таким образом оторвать его хотя бы на время «от усиленной деятельности», однако «возможность ее находилась для него везде». За полгода Дмитрий Александрович объездил большую половину Европы — в университетах слушал лекции знаменитых философов, в архивах и библиотеках собирал материалы по истории и литературе южных и западных славян, входил в сношения с людьми, сочувствующими одушевлявшей его мысли о соединении церквей. При этом не забывал делиться впечатлениями от увиденного с родственниками, прежде всего с Языковыми. 14 августа 1843 года тетушка Валуева Прасковья Михайловна, супруга сызранского помещика П.А. Бестужева, сообщила племяннику:

«Бесценный и несравненный друг мой Митя, четыре дня тому назад, к великому моему удовольствию, получила твое письмо из Дрездена, <...> и первым моим движением было поблагодарить Бога за то, что смог тебя сохранить в твоём пути и видимо подкрепить здоровье твое. <...> Описание твоих путешествий привело Петра в изумление. <...> Ты, мой друг, путешествуешь каким-то совсем особым образом, только одному тебе свойственным, ты пробігаешь Сорбонну какими-то исполинскими шагами. <...> Теперь я еще одного желаю — поскорее узнать, получил ли и ты мои письма, я писала во Франкфурт и в Лондон, а теперь пишу уже в Париж. <...>

Лондон, который тебя так восхитил, меня заставил прочесть описание его Жуковским, из сего я еще больше воображаю, как, должно быть, он хо-рош и как хотела я его во сне увидеть.

Одно это только для меня позво-лительно — не наяву увидеть что-ни-будь, кроме Симбирска»²¹.

После заграничной поездки здоро-вье Дмитрия Александровича попра-вилось, но ненадолго. Летом 1844 го-да оно расстроилось еще больше. Однако, по свидетельству друзей, «с уменьшением внешней деятельно-сти усиливалось в нем напряжение умственное». Итогом явился «Син-бирский сборник», названный так по местонахождению большинства обнародованных в нем письменных памятников. В конце 1844 года бы-ла отпечатана первая часть тиража, в начале 1845-го — вторая. Пятеро из-дателей — Валуев, Хомяков и братья Языковы — посвятили сборник «не-забвенной памяти Российского исто-риографа Синбирского уроженца Николая Михайловича Карамзина» и выразили надежду, что «послужит оно (издание. — Ю. К.) к укреплению возбужденной им любви к бытописа-ниям нашего Отечества».

Титульный лист «Синбирского сборника»